

М А Р К Т В Е Н

Из „Записных книжек“

Перевод и комментарии А. СТАРЦЕВА

«Записные книжки» Марка Твена были опубликованы в Америке впервые в 1935 году, в связи с отмечавшейся 100-летней годовщиной его рождения. Публикация была произведена Альбертом Пейном, литературным душеприказчиком и биографом Твена. В изданной Пейном книге собраны записи Твена, начиная с 60-х годов, когда он служил лодчманом на Миссисипи, и вплоть до последних лет его жизни. В целом записей не очень много — Твен не вел дневников, он не был также и писателем с записной книжкой, — и они распределяются хронологически очень неравномерно. Под влиянием минуты Твен мог заполнить в книжке три страницы и потом за два года прибавить три-четыре случайные строчки или даже забыть о записной книжке совсем. Он чаще обращался к ней в моменты вынужденных перерывов в творческой работе, например, во время путешествия. Иногда книжка служила ему для записей, связанных с вещью, над которой он в этот момент работал, — таковы записи, относящиеся к «Янки при дворе короля Артура», или юмористические афоризмы, многие из которых появились в «Вильсоне Мякиной Голове». Однако наибольшую ценность и вместе с тем прелесть книжка приобретает, когда Твен заполняет ее минутными эфемерными заметками, иногда шутивными, а иногда серьезными. Едва ли надобно комментировать блестящие твеновского юмора. Некоторого объяснения требует лишь то горькое и сумрачно саркастическое, что есть в книжке. Твенские публикации последнего времени подтвердили высказывавшееся и ранее мнение, что Марк Твен в зрелую пору и в особенности в конце жизни находился в состоянии глубокого конфликта с буржуазным обществом. Его возмущал классовый гнет буржуазии и эксплуатация трудящихся в Америке и во всем мире. Его отталкивала буржуазная политика, буржуазная религия, буржуазная мораль. Утратив оптимистические социальные иллюзии, впитанные им в молодые годы, в

пору расцвета американской демократии, Твен воспринял торжество буржуазной эксплуатации и империалистической политики как бесславный конец человеческой истории и доказательство того, что человек дурен по своей природе, что он игрушка слепых сил и что справедливость в мире недостижима. Отсюда черный пессимизм многих его суждений о жизни и о человеке.

В силу ряда причин (не последнюю роль здесь играло влияние жены и окружения) Твен не решался сделать свой протест и свое отчаяние достоянием гласности и загнал их в «подполье» частных писем и рукописей под замком, оставаясь для публики попрежнему веселым писателем. Отсюда очень болезненно звучащий в книжке мотив умолчания («Правда — величайшая драгоценность; нужно ее экономить»).

Видное место занимает в книжке антиклерикальная и антирелигиозная в собственном смысле тема. Следует иметь в виду, что эти шутки и сатирические замечания, которые должны показаться современному читателю довольно невинными, в твеновской Америке и в окружавшей Твена буржуазно-ханжеской среде рассматривались как «кощунство» и покушение на основы нравственности.

Печатаемые извлечения из «Записных книжек» взяты из второй половины изданной Пейном книги и характеризуют Твена зрелого периода. Подбор текстов сделан с таким расчетом, чтобы сохранить общую картину записей. Не все импровизации Твена равноценны, но каждая страница дает почувствовать связываемое нами с обликом великого юмориста очарование благородного ума, открытого смеха и неподкупного сердца. Сходное чувство читатель испытывал недавно, читая записные книжки покойного Ильи Ильфа, при всем отличии их содержания и творческой индивидуальности автора.

Советским писателям близок Марк Твен — один из носителей традиции честного смеха в демократической литературе США.

★

Человек, назначенный надзирателем в сумасшедший дом, по ошибке попадает в дом, где живут совершенно здоровые люди. Дело происходит в Англии, и они называют его «смотрителем», так как уверены, что он — новый смотритель охотничьих угодий, которого они ожидали. А тот тем временем управляет сумасшедшим домом и находится в большом затруднении.

Эту идею мне дал Дион Бусико, драматург. Советовал разработать.

Волк заглянул в хижину, увидел, что пастиухи едят ягненка и сказал: «Ну, конечно, когда вы это делаете, все в порядке, а какой поднялся бы шум, если бы это сделал я».

Слушая церковное пение, нельзя не думать о кресле зубного врача.

В апреле 1878 года Твен с семьей уехал в Германию, где провел лето.

НЕМЕЦКАЯ ПЕЧКА

— Кто здесь погребен?

— Никто.

— Почему же стоит памятник?

— Это не памятник. Это печка.

Мы стояли обнажив головы. Теперь мы надели шляпы. Печка в восемь футов вышиной...

2 мая в В. слышал кукушку. Генрих спросил: «Сколько лет я проживу?» Кукушка куковала в течение двадцати минут; таким образом Генрих переживет Мафусаила. Это первая кукушка, которую я слышал отдельно от часов. Удивительно, как она искусно подражает своим собратьям в часах, хотя, я уверен, ей ни разу не приходилось их слышать...

Во Франкфурте газовые рожки с девятью горелками. Тем не менее приходится зажечь не меньше восьми, чтобы увидеть девятую.

У геттингенских студентов страшно изуродованы лица. Встретишь человека и не знаешь, ветеран он франко-прусской войны или просто получил высшее образование.

Джон Гей в diligence весь день пытался разговаривать с соседом по-немецки. Наконец, тот, в отчаянии, сказал: «Будь она проклята, эта тарабарщина!» Гей бросился ему на шею: «Боже мой, вы говорите по-английски!»

Некоторые немецкие слова настолько длинны, что их можно наблюдать в перспективе. Когда смотришь вдоль такого слова, оно сужается к концу, как рельсы железнодорожного пути.

Объяснял на чистейшем немецком языке двум немцам, как пройти в Вольфсбрунен. Один из них всплеснул руками и сказал: «Gott im Himmel!»¹

Видел сон, будто все дурные иностранцы попали в немецкий рай, не понимают ни слова по-немецки и жалеют, что нельзя перебраться в ад.

Чтобы придать немецкой фразе законченность и изящество, нужно прибавить в конце: wollen haben sollen werden.

Манигейм, 24 мая в театре. Шел «Король Лир», начали ровно в шесть. Не понял ни слова, грохотал очень похожий гром, также отличные молнии. Дж. сказал: «Слава богу, хоть гром гремит по-английски». Потом, дома, сказал: «Просидел три часа, ничего не понял, кроме грома и молнии».

Собака будет «der Hund»; женщина — «die Frau»; лошадь — «das Pferd». Возьмем теперь эту собаку в родительном падеже, и что же, вы думаете, это будет все та же собака? Нет, сэр, она станет «des Hundes». Возьмем ее в дательном, и что же получится? Это уже «dem Hund!» Пропустим-ка ее в винительном. Она ни более ни менее как «den Hundem»². Теперь предположим, что наша собака имеет сямского близнеца и что эту сдвоенную собаку нужно просклонять во множественном числе. Что же, пока ее прогонят еще сквозь четыре падежа, она составит целую собачью выставку. Я не собачник, но я не позволил бы себе так обращаться с собакой, будь это даже соседская собака.

Такая же картина с кошкой. Когда ее выпускают в именительном падеже единственного числа, это — прелестная кошечка. Они гонят ее сквозь четыре падежа и шестнадцать артиклей, и когда она вылезает из винительного множественного числа, вы не признаете ее за ту же кошку. Да, сэр, если немецкий язык примется за кошку, прощай, кошка!

¹ Господи помилуй (нем.).

² Ошибки в немецком языке у М. Твена.

Антикварный дубовый стол и кресло. Купил очень дешево в Гейдельберге. Сделаны в прошлом году из сосновых досок и покрашены черной акварельной краской. Вытер всю антикварность в шесть недель.

Сегодня утром в замковый парк вошли туськом шесть студентов. Каждый торжественно вел на цепочке большого пса.

Осень 1878 года и большую часть 1879 года Твен путешествовал по Европе и затем жил в Англии.

Вздыбленные лошади на картинах старых мастеров похожи на кенгуру.

Какая занимательная книга «Автобиография» Бенвенуто. Она проживет не меньше, чем его Персей.

В Санта Кроче. Оборванная старуха видела, как я оставил сигару. Когда мы вышли, она заявила, что сторожила ее от мальчишек и потребовала пять сантимов за хлопоты. Она шла за нами по улице, громко проклинала нас и призывала смерть на наши головы.

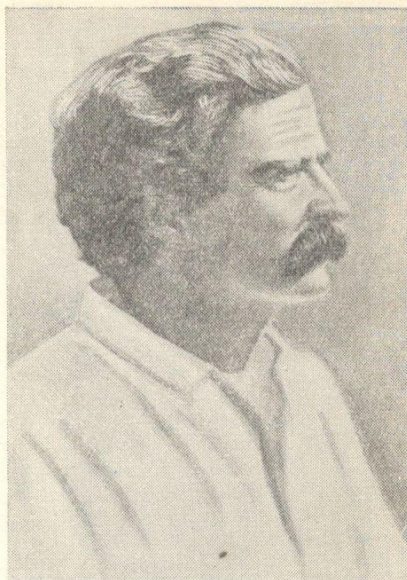
Художник-американец приехал в итальянскую деревушку и уселся писать на раскладном стуле. Появляется крестьянин с буйволами и обращается к нему с речью. Американец бранит крестьянина на чем свет стоит и, наконец, спрашивает своего спутника: «Что этому мерзавцу от меня нужно? Зачем этот негодяй пригнал сюда буйволов?».

«Он говорит, что привел буйволов в обычный час на водопой, но не хочет мешать вам и охотно подождет до вечера; потому он боится, что этот походный стул вам не очень удобен и хочет принести свой стул из дому».

Понтий Пилат мучился укорами совести и утопился в Люцернском озере. Это объясняет, почему гора называется Пилат.

Париж, 7 мая. Salon¹. Логика критиков непостижима. Если я напишу: «Она была голая» и затем приступлю к подробному описанию, критика взвоят. Кто осмелится читать эту книгу в обществе? Однако живописец поступает именно так, и на протя-

¹ Выставка картин.

жении столетий люди собираются толпами, смотрят и восхищаются.

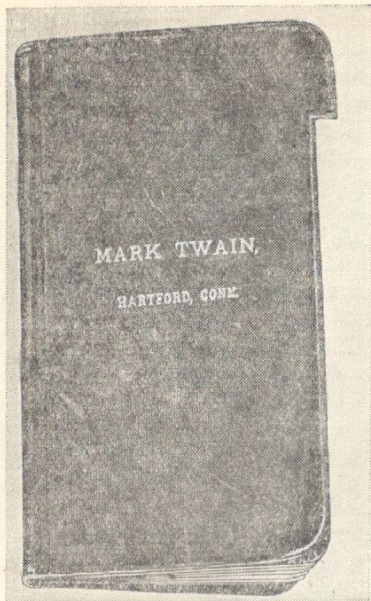
Лондон, 20 июля 1879. В английском театре нужно иметь либретто, произношение англичан настолько отлично от нашего, что трудно понимать актеров. То же, когда прислушиваешься к разговору.

В 1882 году Твен совершил поездку по Миссисипи (описанную в книге «Жизнь на Миссисипи») и посетил свой родной городок Ганнибал.

Ганнибал. Извозчик приехал за мной в десять вместо половины восьмого. Сказал, что время в деревне течет медленнее, отстает на полтора часа от городского, так что опоздания нет. «Иной раз, встанешь в воскресенье ранехонько, хозяин, а придешь в городскую церковь, проповедь уже кончается. Время в разных местах течет по-разному. Ничего не поделаешь».

Увы! Все переменилось в Ганнибале. Однако, когда я дошел до Третьей или Четвертой улицы, слезы брызнули у меня из глаз: я узнал лужу. Это была та самая старая грязь, грязь, в которой завязла Анни Макдональд.

Семья бедняков на пароходе. Едут к границе. Муж на палубе с повозкой, жену с детьми пустили из милости в рубку. Они спали на диване и на полу, без одеял, при свете ламп. Ночью, должно быть, мерзли.

Записная книжка Марка Твена

По поводу дуэлей: допустим, что можно смочь бесчестье, изучив обидчика, но смоемся ли бесчестье, если он изучит вас?

Романтика речного кораблевождения умерла. Лопман уже не бог Ганнибала. Молодежь больше не щеголяет речным жаргоном. Они мечтают теперь о железных дорогах и со смаком называют их начальными буквами — манера, распространившаяся по всему Западу. Они произносят эти начальные буквы так, как будто у них во рту конфетка.

НА ЗАСЕДАНИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА

- Убито 200 индейцев.
- Во что это обошлось?
- Два миллиона долларов.
- За эти деньги можно было бы дать им высшее образование.

В 1867 году Твен написал антирелигиозный рассказ «Визит капитана Стормфильда на небеса», но не публиковал его в течение сорока лет, главным образом под влиянием жены. Все это время Твен испытывал к Стормфильду неослабевающий интерес и не раз возвращался к нему мыслью.

Стормфильду рассказывают о человеке, который всю жизнь стремился к райскому блаженству. Когда он попал в рай, то первым встретил своего соседа, которого, по его убеждению, должны были отправить в ад. Был настолько раздражен, что спросил, как пройти в ад, забрал саквояж и ушел.

Стормфильд узнает, что ад устроили, идя навстречу пожеланиям первых христиан. В настоящее время райские чертоги отапливаются радиаторами, соединенными с адом. Эта идея нашла полное одобрение у Джонатана Эдвардса, Кальвина и Ко, так как страдания грешников усугубляются от сознания, что огонь, пожирающий их, одновременно обеспечивает комфорт праведников.

Если вы в темноте примете свою жену за грабителя и выстрелите, вы обязательно ее убьете, но если это в самом деле грабитель, вам никогда в него не попасть.

- Кто такой англичанин?
- Человек, который делает что-либо, потому что так делали раньше.
- Кто такой американец?
- Человек, который делает что-либо, потому что так не делали раньше.

Я думаю, что все мы микроскопические трихины в крови какого-то громадного существа и что бог заботится о благополучии этого существа, а вовсе не о нас.

Вообразил себя рыцарем в латах, в середине века. Потребности и привычки нашего времени и вытекающие отсюда неудобства. В латах нет карманов. Не могу почесаться. Насморк — не могу высморкаться, не могу достать носовой платок, не могу вытереть нос железным рукавом. Латы накаляются на солнце, пропускают воду в дождь, в морозную погоду превращают меня в ледышку. Когда я вхожу в церковь, раздается неприятный ляг. Не могу одеться, не могу раздеться. В меня ударяет молния. Падаю и не могу сам подняться.

Как известно, этот юмористический мотив был использован Твенем в написанной через пять лет (1888) книге «Янки при дворе короля Артура».

1885. Если бог таков, как полагают, он должен быть несчастнее всех во вселенной. Он наблюдает ежечасно мириады созданных им существ, испытывающих неисчислимые

страдания. Он знает также о страданиях, какие им еще предстоит пережить. Можно сказать: «Несчастен, как бог».

У меня нет чувства юмора. В доказательство должен сказать,— в порядке признания,— что если в «Пикквикском клубе» есть хоть одно смешное место, значит мне его не удалось обнаружить.

Мои книги — вода; книги великих гениев — вино. Воду пьет каждый.

В Уэльсе пастор пришел собирать десятину. Жена фермера говорит: «Преподобный отец, у меня одиннадцать ребят, не возьмете ли одного. Вы забираете каждую десятую свинью, почему бы вам не брать каждого десятого ребенка?»

Бог знал, что богача нельзя заставить платить, а бедняка можно. При всех своих изверствах, глупостях и клоунадах старый библейский бог обладал сметкой дельца. Как только речь заходила о наличных шекелях¹, он немедленно прекращал благочестивое пустословие и переходил к делу. Звон шекелей — лейтмотив библии...

Описывая вымышленный случай, приключение или положение, вы можете сбиться с пути и искусственность вещи легко будет обнаружена. Если же вы берете факт, знакомый вам по личному опыту,— это будет ваш жолудь. Он пустит корень, и дерево, хотя бы оно росло и цвело до самого неба, будет настоящим, не выдуманным.

В 1888 году Твен писал своего «Янки при дворе короля Артура». Он сделал в записной книжке ряд заметок, но только некоторые вошли в книгу.

Если скрестить короля со шлюхой, ублодок будет полностью соответствовать английскому представлению об аристократичности.

Усилим воображения можно представить себе семейство медведей, одержимых спесью по поводу того исторического факта, что их предок разграбил улей, и полагающих, что тем самым они получили наследственное право на грабеж. Это можно себе представить, но дальше сравнение не идет. Пчелы будут кусать медведей каждый день, хотя бы это продолжалось тысячу лет. Че-

¹ Серебряная монета в древней Иудее.

Марк Твен в виде Гека Финна

Современный шарж

ловека можно убедить, что зло постепенно стало добром, пчелу же нельзя, по крайней мере в ее нынешнем примитивном состоянии. Пчеле не хватает почтительности. Когда ей внушат почтительность, она станет недурным англичанином.

В конституционных монархиях есть смысл заменять королевское семейство семейством пимпанзе. Разницы никакой, столь же достойны обожания, обойдутся дешевле.

1889. Мы, американцы, поклоняемся всемогущему доллару. Что же, это более достойное божество, чем наследственные привилегии!..

Монархия? Но это же устарело. Это относится к той стадии культуры, когда восхищались кольцом в носу, убором из перьев и синей татуировкой на брюхе.

Род так называемого домашнего хозяйства; шесть библий и ни одного пробочника. Февраль 1891 г. Гек возвращается домой бог знает откуда. Ему шестьдесят лет, сошел

с ума. Воображает, что он еще мальчишка, ищет в толпе Тома, Бекки и других. Из долгих скитаний по свету приходит Том, находит Гека. Вспоминают старое время. Оба разбиты. Жизнь не удалась. Все, что они любили, все, что считали прекрасным, — ничего этого уже нет. Умирают.

В 1891 году Твен из-за материальных затруднений уехал в Европу и прожил там несколько лет.

Дважды приняли за Моммзена, у нас одиноким шевелюра. При ближайшем рассмотрении оказалось, что мозги разные.

В воскресенье пошел в церковь, а во вторник получил счет на 12 марок (на поддержание церкви). Больше не хожу. Не могу себе позволить исповедание религии за такую цену.

В Кампании громадные свирепые псы; они стерегут овец без пастухов. Встретиться с ними в этих пустынных местах очень опасно. Двое молодых англичан, — один из них мой приятель, — были там вчера с проводником, местным крестьянином, простодушным и очень богомольным. На повороте дороги проводник остановился и предупредил их, что они сейчас подходят к месту, где обычно стерегут овец две самых злых собаки; что нужно пробираться осторожно и, в случае, если накинутся собаки, сразу уходить. Только они двинулись, появились псы. Два громадных зверя мчались на путешественников с самым грозным видом. Проводник пробормотал дрожащим голосом: «Повернитесь спиной, но ради всего святого не двигайтесь. Я буду молиться пресвятой деве. Она услышит меня. Она сотворит чудо и спасет нас. О, господи, она спасет нас!» И он стал молиться. Англичане стояли, трясаясь от страха, без веры в силу молитвы пресвятой деве. Вдруг яростное рычание собак смолкло и воцарилась гробовая тишина. Через минуту мой друг, не в силах выносить ожидание обернулся и увидел чудо. Собака-мсье взобралась на собаку-мадам, и оба презрели свой долг стражей ради более высоких интересов!..

Он сказал напрямик, что если на то пошло, он выбирает ад. Сказал, что привык читать парижское издание «Нью-Йорк Геральд» и не может без него обойтись.

Боб Ингерсол рассказал о пресвитерианском святом, который, отправляясь из рая с

экскурсией в ад, заплатил за проезд в оба конца и потом никому не мог сбить обратный билет.

Роберт (Боб) Ингерсол (1833—1899), называвший себя «бульдогом Дарвина», был виднейшим американским лектором на антирелигиозные темы. Твен относился к нему с большой дружбой и уважением.

Правда — величайшая драгоценность; нужно ее экономить.

Шум ничего не доказывает. Курица, снесши яйцо, часто клохчет так, как будто снесла небольшую планету.

Париж. Клара забыла в кэбе зонтик. Сюзи забыла в кэбе несколько свертков. Миссис Клеменс забыла на прилавке кошелек. Я тоже забыл в кэбе несколько вещей, — но никому не сказал.

В Париже 26 244 кэба. Каждый в среднем делает за день тридцать поездок и перевозит 45 человек. Два человека из трюков что-нибудь да забывают в кэбе. Итого тридцать предметов на каждый кэб. 10 000 в год на каждый кэб. 262 440 000 в год, исходя из числа 26 244 кэбов.

Четверо из спутников, с которыми я приехал в Париж, отправились в Лондон с американским мульти-миллионером, чтобы вкусить от его триумфа. Прошел уже месяц, но они все еще не могут ни думать, ни говорить ни о чем ином. Они счастливы, оглушены и полны благодати, как если бы они побывали в раю и трапезовали с господом богом.

Машинист на железной дороге сказал: «Вы вылитый Марк Твен. Вы могли бы сойти за его близнеца!»

Летом 1895 года денежные дела Твена запутались окончательно (издательская фирма, в которой он участвовал, потерпела крах), и он отправляется в кругосветное турне. Опять выступления перед публикой, от которых он решил было отказаться.

1895. Канада. Торонто тянется на 12 миль. Рабочие живут на одном конце города и работают на другом. В воскресенье ни одного трамвая. Два мира так далеко отстоят друг

от друга, как если бы их отделил Атлантический океан. Ну и что же? Лишь бы были довольны бог и попы.

Вчера во время чтения саади меня по оцене прошел котенок. Публика смеялась в несмешном месте. Я не знал, в чем дело, до самого конца.

Навязчивый сон. Я выхожу читать перед публикой, не заправив рубашку в брюки. Очень неприятный сон.

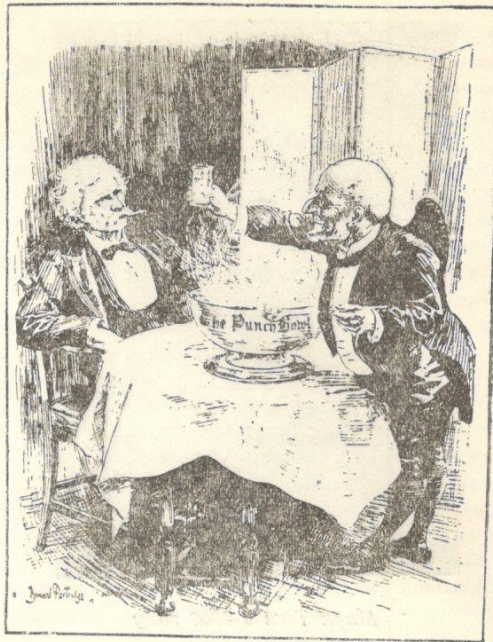
Мы легко соглашаемся, что у наименее цивилизованных народов особенно сильно чувствуется неравенство между мужчиной и женщиной. Мы говорим, что это дикарство. Почему же мы так тупы и не видим, что этим самым мы признаем, что ни одна цивилизация не может быть совершенной, пока она не признает полное равенство мужчины и женщины.

Меня бесконечно поражает, что весь мир не заполнен книгами, которые с презрением высмеивали бы эту жалкую жизнь, бессмысленную вселенную, жестокий и низкий род человеческий, всю эту нелепую смехотворную канитель. Странно, ведь миллионы умирают каждый год с этим чувством в душе. Почему я не пишу такую книгу? Потому что я должен содержать семью. Это единственная причина. Может быть, так рассуждали и другие?..

Пальмерстон (Австралия), 2 декабря. Рапо утром заплакал ребенок; не беда, я люблю детей. Потом — рояль; играет или кошка, или неопытный пианист. Более чем странная музыка; в среднем на три верхних ноты четыре фальшивых, но играет с темпераментом и, видимо, получает удовольствие. Старые-престарые мелодии сорокалетней давности; если считать, что это кошка (а это наверно кошка), то исполнение достойно всякой похвалы. Это снова убеждает меня, что кошка гораздо смысленнее, чем принято думать, и что ее можно подвинуть на любое преступление.

Собаки толпами ходят на мои лекции. Подрались только раз, в Омору. В Нальере висело объявление: «В первые ряды собак не пускать». Таким образом их присутствие в других местах как бы узаконивалось.

Утром небольшое землетрясение. Недостаточно, впрочем, чтобы страсти церковный звон.

Мистер Понч пьет за здоровье Марка Твена

(Рисунок из английского юмористического журнала «Понч».)

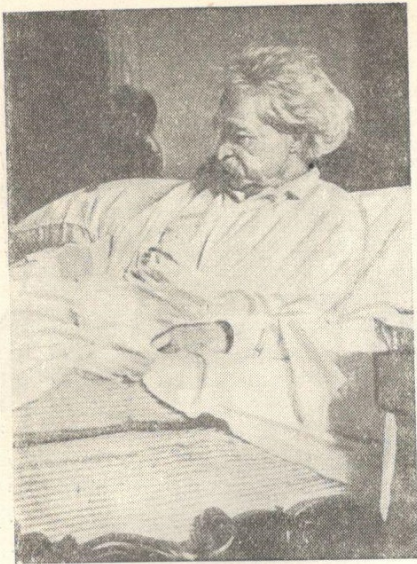
Как часто люди, которые сами не умеют толком соврать, берутся рассуждать, где ложь и где правда.

Мы непоследовательны. Мы возмущаемся и протестуем, когда к нам проявляют неуважение, однако кто в глубине души уважает сам себя?

На пароходе. Январь 1896 года. На палубе свирепствуют сорванцы. Раздражает, что из сорванцов вырастают порядочные и полезные для общества люди несколько не реже, чем из послушных детей.

Дельфин — юморист водной стихии: продельвает свои головоломные фокусы ради искусства; никакой грязной прибыли.

Снова бранюсь. Утро провел на палубе, наблюдая восход солнца. Тихое умиротворяющее зрелище. Сошел в каюту, умылся, надел чистую рубашку, побрился (долгая, невыносимая, выматывающая душу процедура) — и ни разу не выбранился. Собрался идти завтракать. Вспомнил о микстуре сам, без напоминания (впервые за три месяца). Налил в мензурку, держа бутылку в одной руке, мензурку — в другой, пробку

Марк Твен в 1906 году

в зубах. Протянул руку с мензуркой за стаканом, уронил мензурку, поднял мензурку и налил другую порцию, поставив сначала стакан на умывальник. Не успел налить, как пароход качнуло и послышался звон разбитого стекла; это мой стакан разлетелся на тысячу осколков, дно, впрочем, осталось цело. Поднял его, чтобы выкинуть в иллюминатор; выкинул вместо него мензурку. Тут я дал себе волю. Миссис Клеменс наблюдала всю сцену: «Лучше не старайся, все равно тебе не испариться».

Бомбей, 20 января. Шум в отеле начинается около пяти часов утра. Слуги-индусы кричат что-то друг другу с одного этажа на другой. Можно подумать, что происходит всенародное восстание. Шумы всякого рода: грохот рушащихся кровель, звон разбиваемых окон, предсмертные вопли, щебет ворон, карканье канареек, раскаты дьявольского хохота, взрывы динамита. К семи часам вам уже все равно, и шумы, каждый в отдельности и все вместе, вас больше не беспокоят. Тогда все стихает.

Три длинных седых обезьяны прошли вприпрыжку по дороге.

Весь вчерашний день ехали по иссушенной солнцем земле, густо усеянной грязными деревушками в разных стадиях упад-

ка. Печальная страна — страна невообразимой бедности и страданий.

В море. 28 марта. Наш капитан красавец и геркулес; молодой, решительный, мужественный, крупная прекрасная голова, на него приятно глядеть. У него есть странность: он не умеет сказать правду так, чтобы она не выглядела ложью. В этом отношении он полная противоположность ловкому шотландцу, который сидит на середине стола; этот не может соврать так, чтобы ему не поверили. Когда капитан что-нибудь рассказывает, пассажиры втихомолку переглядываются, как будто спрашивая: «Неужели вы верите?» Когда шотландец что-нибудь рассказывает, у всех на лицах читаешь: «Как интересно и удивительно!» Все дело в характере и в манере рассказчика. Капитан застенчив и не уверен в себе, и он говорит о самых обычных вещах, словно испытывая сомнение. Шотландец преподносит вам дичайшую выдумку с безмятежной уверенностью, и вы не можете не верить ему, хотя знаете, что это вздор.

Капитан рассказал, как однажды сумасшедший гонялся за ним с топором вокруг мачты и как он уже выбивался из сил, когда на шум прибежал помощник и бросил кресло под ноги безумцу; когда тот упал, помощник навалился на него, вырвал у него из рук топор и спас таким образом капитана. Все это было вполне правдоподобно, но капитан рассказал свою историю без всякой уверенности, и было ясно, что никто не поверил ни единому слову.

Тут же шотландец рассказал о летающей рыбе, которую ему удалось приручить. Эта рыба, якобы, жила в маленьком бассейне у него в оранжерее и летала на соседний луг ловить птичек и лягушек. Ему поверили. Ему всегда верят, хотя он не говорит ни слова правды. Капитану же не верят, хотя, сколько я могу судить, он никогда не лжет.

Моя литературная судьба очень любопытна. Мне никогда не удавалось соврать так, чтобы мне не поверили; когда я говорил правду, никто не желал мне верить.

В Джейпуре я повторил некоторые опыты сэра Джона Леббока с муравьями и получил сходные результаты. Потом я предпринял собственные опыты. Они показали, что муравьи хорошо ориентируются в сфере духовных интересов. Я соорудил четыре миниатюрных храма: мусульманскую мечеть, индийское святилище, еврейскую синагогу и христианский собор — и поставил их рядом.

Затем я пометил 15 муравьев красной краской и пустил их на волю. Они бегали взад и вперед, глядели на храмы, но не заползали внутрь. Я выпустил еще 15 муравьев, пометив их синей краской. Они вели себя так же, как их красные собратья. Я позолотил и выпустил еще 15 муравьев. Тот же результат. Все 45 муравьев суетились, ни на минуту не останавливаясь, подходили ко всем храмам, но не заползали ни в один из них. Я считал доказанным, что избранные мною муравьи не имеют религиозных убеждений; это было важной предпосылкой моего следующего эксперимента.

Я положил у входа в каждый храм белую бумажку. На бумажку перед мечетью я положил кусок замазки, перед входом в синагогу капнул скипидара и перед входом в собор положил кусок сахара. Теперь я выпустил красных муравьев. Они отвергли замазку, деготь и скипидар и набросились на сахар с жадностью, и, как мне показалось, с искренним чувством. Я освободил синих; они в точности повторили действия красных. Золотые поступили так же, без единого исключения. Это не оставляло сомнений в том, что муравьи, лишены определенного вероисповедания, если им предоставить выбор, отдадут предпочтение христианской религии перед всякой другой.

Чтобы проверить опыт, я запер муравьев и переместил замазку в собор, сахар же положил в мечеть. Я выпустил сразу всех муравьев, и они толпой ринулись к собору. Я был тронут до глубины души и пошел в соседнюю комнату, чтобы записать этот замечательный опыт. Вернувшись, я увидел, что все муравьи отступились от христианской веры и перешли в магометанство. Мне стало ясно, что я поспешил с выводами...

Квикстаун, 4 июня. Черный дикарь, которого вытеснил бур, был добродушен, общителен и бесконечно приветлив; он был весельчаком и жил, не обременяя себя заботами. Он ходил голым, он был грязен, жил в хлеву, был ленив, поклонялся фетишу; он был дикарем и вел себя как дикарь, но он был весел и доброжелателен.

Его место занял бур, белый дикарь. Он грязен, живет в хлеву, ленив, поклоняется фетишу; кроме того, он мрачен, неприветлив, важен и усердно готовится ко вступлению в райскую обитель, вероятно понимая, что в ад его не пустят.

Два или три года тому назад Генри Ирвинг за обедом спросил меня, не слышал ли я историю про такого-то. Мне стоило немалого труда сказать «нет». Он начал рассказывать, потом помолчал и снова спросил: «Слушайте, вы в самом деле не знаете?» Я мужественно подтвердил, что не знаю. Он стал продолжать, потом опять замолк и спросил, правду ли я говорю. Тогда я сказал, что могу соврать один раз, могу из любезности соврать дважды, но не больше. Да, я слышал эту историю; больше того, я сам ее выдумал. Так оно и было.

Если бы мне предложили создать бога, я наделил бы его некоторыми чертами характера и навыками, которых нехватает нынешнему (библейскому) богу... Он посвятил бы долю своей вечности на раздумья о том, почему он создал человека несчастным, когда мог тем же усилием сделать его счастливым. В остающееся время он пополнил бы свои сведения по астрономии...

В августе 1896 года умерла младшая дочь Твена Сюзи. Твен был в это время в Англии. Его жена и старшая дочь Клара, получив известие о болезни Сюзи, выехали в Америку, но уже не застали ее в живых.

Ливи приехала в Эльмиру ровно через год и на том самом поезде, на котором уезжала. Сюзи стояла тогда на платформе и махала рукой; теперь она была в гробу в нашем лондонском доме.

Она была очень близорука. Как-то, когда она была маленькой, я поднимался с ней по лестнице и, обернувшись на полдороге, увидел через стеклянную дверь столовой неструю кошку, свернувшуюся клубком на ярко-красной скатерти... Я показал ее Сюзи и был очень удивлен, что она не видит.

В бреду она говорила многое, из чего было видно, что она гордилась своим отцом. «Это потому, что я дочь Марка Твена...»

В те дни в Париже, когда она так быстро развивалась, ее речь была подобна пущенной ракете; мне казалось иногда, что я вижу, как огненная полоса взлетает выше и выше и взрывается в зените, разлетаясь цветными искрами. И мне хотелось сказать: «Чудесная моя девочка». Но я молчал, и мне горько теперь вспоминать об

этом. В моей семье не было принято выказывать свои чувства.

Она так радовалась, когда моего «Вильсона Мякинью Голову» поставили на сцене. Она так интересовалась моей работой, и мне так не хватало ее, и половина радости ушла.

Зиму 1896 и 1897 года Твен провёл в Лондоне. Он писал книгу о кругосветном путешествии, названную «Вдоль экватора».

Державы (коронованные грабители) попали в славную переделку. Султан режет армян как свиней на бойне и концерту держав нужно вмешаться, но Россия держит все карты.

Все собаки здесь носят намордники и делают вид, что им это нравится. Наверно какая-нибудь герцогская собака вышла раз в наморднике, потому что у нее болели зубы или так просто, для потехи. Другие переняли.

Не вздумайте произнести английское имя, те спросив сперва туземцев. Заурядная уэльская фамилия *Vzjxllwcr* читается Джексон.

Он свалился в литературу, как слепой мул в колодезь.

Горе не требует компании, но вы не можете радоваться, если вам не с кем поделиться.

Морщины должны быть только следами прошлых улыбок.

Английский железнодорожный магнат сказал: «Мы настаиваем на своем праве обращаться с наемными служащими так, как мы находим для себя удобным». В Иоганнесбурге управляющий крупной шахтой сказал: «Мы не называем наших негров рабами, но это слово определяет их положение и, поскольку от нас зависит, будет определять и в дальнейшем».

Юмор сновидений. Вчера мне снился фермер, у которого спрашивали, на какую из двух лошадей он поставил. Он отвечал: «По сто фунтов на каждую». Тогда молодые люди, которые его спрашивали, стали хохотать, потому что им было ясно, что он выиграет одну ставку и проиграет другую, и, следовательно, мог бы вовсе не ставить. Нет, это было не так, они смеялись потому,

что он был уверен, что выиграет на обе ставки, что им казалось наивным и нелепым; кроме того, они смеялись потому, что знали наверное, что он проиграет на обе, и это они считали совсем смешным.

Все это казалось во сне вполне осмысленным. В этом особенность сновидений; они могут быть совершенно вздорны и ни с чем несообразны, но это обнаруживается только, когда проснешься.

Мы только эхо. Мы не имеем своих мыслей, своих суждений. Мы навозная куча разлагающихся наследственных признаков, моральных и физических.

Богу следовало бы переодеться в штатское платье и лично обследовать жизнь лондонских бедняков. Он был бы тронут и сделал бы что-нибудь для них.

Сатана вновь прибывшему (с раздражением): «Беда с вами, чикагцами; вы воображаете, что вы самые важные люди в аду; между тем вас просто больше, чем других».

Он не был лжецом, но он любил внушать превратные представления. Он не разменивался на мелочи. Если, например, он запачкал бы брюки разными красками, он не стал бы лгать вам по этому поводу, но все же создал бы впечатление, что испачкался, скатываясь с радуги.

18 марта 1897 г. Снилось, будто я поймал прекрасную рыбу в 14 дюймов и предвкушал, какова она будет на блюде. Я был очень голоден. Потом я почувствовал тревогу и разочарование. Было воскресенье, и принести рыбу домой было невозможно; если Ливи узнает, что я удил в день субботний, она будет ужасно огорчена. Тут я сообразил, что могу подарить ей рыбу, и тогда она ничего не скажет.

Если не считать этого последнего обстоятельства, сон дает совершенно правильное представление обо мне и о ней. Во сне, впрочем, мне казалось вполне естественным и то, что она поступит из-за рыбы своими религиозными убеждениями.

28 марта. Тунчел прислал мне газетную вырезку с большим заголовком на пять столбцов: «Конец Блестящей Карьеры». Там сообщается, что я живу в Лондоне, в нищете, и что семья бросила меня. Если бы это исходило от собаки, коровы, слона или другого высшего животного, я преполнил бы ярости и отвращения, но это дело

рук человеческих и нужно быть снисходительным.

Королевского английского языка больше не существует. Собственность перешла в руки акционерного общества, и большая часть акций в руках у нас, американцев.

Выражение королевский английский язык (King's English) употребляется в Англии для обозначения образцового произношения и стиля.

Я путешествовал по всему свету и утверждаю, что даже ангелы говорят по-английски с иностранным акцентом.

Меня посетил мистер Уайт, здешний представитель «Нью-Йорк Журнал», и показал две каблограммы.

Первая: «Если Марк Твен умирает в Лондоне в нищете, шлите 500 слов».

Вторая (более поздняя): «Если Марк Твен умер в нищете, шлите 1000 слов».

Я объяснил ему, в чем дело, и продиктовал ответную каблограмму приблизительно такого содержания: «Джеймс Росс Клеменс, мой родственник, был серьезно болен две недели тому назад; сейчас он поправился. Слух о моей болезни возник из-за его болезни: слух о моей смерти преувеличен. Я здоров. Марк Твен».

Летом 1897 года Твен с семьей уехал в Швейцарию и провел следующие два года в разных странах Европы, преимущественно в Италии и в Австрии.

На континенте невозможно получить приличный бифштекс; он всегда пережарен как святой на костре.

В просторном вестибюле в нишах статуи шести святых в человеческий рост; снизу дощечки с именами. Один — с. Петр, он держит золотой ключ. Под другим надпись с. Клеменс. Это моя фамилия, мое имя. Я был очень горд, что нашел своего прародителя в таком месте и в такой компании. Впрочем, наша семья всегда отличалась благочестием, и будь моя воля, из меня тоже получился бы недурной святой. На с. Клеменсе надета каска; повидимому, до того, как выдвинуться, служил пожарным.

Не подлежит сомнению, что больше всех пресмыкаются перед монархами и аристократами и больше всех извлекают из этого удовольствия именно американцы. Не все американцы, но если уже американец берется за это, он — вне конкуренции.

Духовных и военных судей из трусов, лицемеров и карьеристов можно фабриковать по миллиону в год и еще останется неиспользованный материал. Нужны пять веков, чтобы создать Жанну Д'Арк или Золя.

Написано в разгар дела Дрейфуса, которое, как можно судить по письмам этих лет, чрезвычайно волновало Твена.

Одни поклоняются чинам, другие — героям, третьи — силе, четвертые — богу, тут они спорят между собой, но все единодушно поклоняются деньгам.

АФОРИЗМЫ

Настоящий друг с тобой, когда ты не прав. Когда ты прав, всякий будет с тобой.

Есть только два рода мудрецов: одни кончают самоубийством, другие глушат мысль вином.

Богу не хватает стойкости характера, твердых убеждений. Ему следует быть католиком или пресвитерианцем или кем-нибудь, все равно, но не стараться поспеть сразу повсюду.

Давайте браниться, пока есть время, в рай нам не позволят.

Близкое знакомство ведет к фамильярности. Это очень правильное замечание. Мы так почитаем истину, потому что не имеем случая с ней близко познакомиться.

Когда вспоминаешь, что мы все сумасшедшие, необъяснимое в жизни становится понятным.

«Правда всесильна и она победит». Должен заметить, что это не соответствует действительности.

Нет сомнения, что христианство будет существовать даже через тысячу лет (в виде чучела в музее).

Хорошие друзья, хорошие книги и дремлющая совесть — вот идеальная жизнь.

Некоторые утверждают, что между человеком и ослом нет разницы; это несправедливо по отношению к ослу.

По благодати всевышнего мы, американцы, владеем тремя неопценными дарами: свободой слова, свободой совести и благоразумной решимостью не пользоваться ими.

Говорят, что правда удивительнее вымысла. Это потому, что вымысел боится выйти за пределы вероятного, правда — нет.

Заметки для речи в лондонском «Клубе Дикарей», произнесенной Твеном осенью 1899 года.

Дорогие Дикари! Со времени моей последней встречи с вами прошло 27 лет. Многие из вас поселились с тех пор, другие облысели. Во мне было тогда шесть футов и четыре дюйма; сейчас всего пять футов и 8½ дюймов; дня не проходит, чтобы я не уменьшался также и в ширину. Этот процесс коснулся и моих принципов. Я не могу сказать, что я сделался за это время специалистом по правде. Многие к тому времени, когда приходится умирать, уже истратили всю правду, которой обладали, и являются на тот свет с пустыми руками. У меня осталось столько, что там просто ахнут...

Одно из доказательств бессмертия души то, что миллионы верили в это; те же миллионы верили, что земля плоская.

Создать человека — это была славная и оригинальная мысль. Но создавать после этого овцу значило повторяться.

Человек был создан в последний день творения, когда бог уже утомился.

Осенью 1903 года Твен после трех лет, проведенных в США, поехал в Италию с большой женой и дочерью.

На пароходе. За ужином оркестр играл «Cavalleria Rusticana» (интермеццо), навсегда для меня связанную с Сюзой. Я очень люблю эту вещь, но мне тяжело ее слышать.

Трудно поверить, что кто-либо когда-либо прожил жизнь и не считал бы ее в глубине души неудачной.

Видел забавный сон, будто наша прежняя кухарка пришла и сказала: «Графиня укусила бешеного осла и он окодел».

Американцы и англичане — чужие друг другу, хотя и в меньшей степени, чем другие народы. Мужчины и женщины, даже муж и жена, — тоже чужие друг другу. У каждого есть свое, скрытое от другого и недоступное его пониманию.

5 июня 1904 года Оливия Клеменс, жена Твена, умерла. Твен повез тело жены в Америку, чтобы похоронить ее в родных местах.

Отплыл вчера вечером в десять. Сейчас прогудел рожек к завтраку. Я узнал его и

был потрясен. Когда я в последний раз слышал этот звук, Ливи тоже слышала его. Теперь он для нее не существует.

Я видел июнь шестьдесят восемь раз. Как бесцветны и тусклы были все они по сравнению с ослепляющей чернотой этого.

Прекрасная погода, море тихое и необыкновенно синее.

За эти тридцать четыре года мы много ездили с тобой по свету, дорогая Ливи, и вот, наше последнее путешествие. Ты там внизу, одинокая, я наверху, с людьми, одинокий.

В последние годы жизни Твен мало обращался к «Записным книжкам», и сохранились лишь отдельные заметки. Политические события этих лет, империалистическая политика США, поражение русской революции 1905 года наполнили его горечью, и его пессимизм усиливался. Эти настроения нашли отголосок в переписке и в «Автобиографии», которую он диктовал своему секретарю Пейну, с тем, что она не будет опубликована при его жизни.

Холодно. Мы затопили камин. Потом вспомнили, что в трубе поселились ласточки, и стали вытаскивать поленья и заливать водой. Трагедия была предотвращена.

Давайте жить так, чтобы даже гробовщик оплакивал нашу кончину.

Только мертвые имеют свободу слова. Только мертвым позволено говорить правду.

В Америке, как и повсюду, свобода слова — для мертвых.

«Папаша сейчас в хлеву. Вы отличите его от свиней, он в шляпе».

Шестьдесят лет тому назад «оптимист» и «дурак» не были синонимами. Вот вам величайший переворот, больший чем произвели наука и техника. Больших изменений за шестьдесят лет не происходило с сотворения мира.